

Б. Въ Канцелярію Епископа Нижегородскаго поступило съ 27 Августа по 12 Сентября 1905 г. включительно:

1) На нужды Краснаго Креста:

отъ благочинныхъ:

священника Іоанна Троицкаго	15 р. 14 к.
Владимира Серебровскаго	5 р. к.
и отъ поручика В. А. Пушкова	45 р. к.
<hr/>	
Итого	65 р. 14 к.

А всего съ прежде поступившими 31776 р. 03 к.

2) На усиленіе русскаго военнаго флота:

отъ Комитета Нижег. Епарх. свѣч- наго завода	5 р. 60 к.
отъ Настоятеля Нижегород. Благовѣ- щенскаго монастыря Архиманд- рита Сергія съ братією	30 р. к.
<hr/>	
Итого	35 р. 60 к.

А всего съ прежде поступившими 7578 р. 87 к.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15-го Сентября.

№ 18-я

1905 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

„Величаемъ Тя, Живодавче
Христе, и чтемъ Крестъ
Твой Святый“.

Христось среди земли обьятъя
Простеръ вѣмъ вѣрнымъ на крестѣ
И спасъ мѣръ грѣшный отъ проклятыя...
Спаси, помилуй насъ, Христе!

*
*
*

Ты крестной смертыю, погребенъемъ
Начало злобы побѣдилъ,
Избавивъ насъ отъ смерти, тлѣнья,
Господь, Владыка, Боже Силь.

*
*
*

Въ тиши святой, подъ сводомъ храма,
 Къ Тебѣ несется пѣснь любви
 Въ струяхъ кадилныхъ омиама,
 Владыка неба и земли.

*
* *

Придите, вѣрные, съ любовью
 Облобызаемъ крестъ честной,
 Омытый неповинной кровью!...
 Христось, Господь, Спаситель мой!

*
* *

Ты, крестъ Господень, наша слава,
 Ты—знамя вѣры и любви,
 Непобѣдимая держава...
 Твоею силой насъ храни!

*
* *

У ногъ Твоихъ, Христось, Спаситель,
 Я съ вѣрой пламенной стою...
 Твоей любовью, Искупитель,
 Прости, спаси меня, молю

*
* *

Священнымъ тренетомъ объята,
 Смотрю на кроткій Ликъ святой..
 Мнѣ мнится: Самъ Христось Распятый,
 Пречистой плотью, здѣсь, со мной.

*
* *

Животворящій крестъ лобзя
 Съ любовью, съ вѣрою живой,
 Я, какъ Оома, къ Христу взываю:
 Ты—Богъ, Господь, Спаситель мой!

Надежда Кубаровская.

Голгоѳа и Распятіе.

Переводъ съ англійскаго 1).

Согласно св. Матѳею, Іисусъ Христось былъ выведенъ на распятіе „на мѣсто, называемое Голгоѳа, что значитъ Лобное мѣсто“ (XXVII, 33). Св. Маркъ говоритъ: „и привели Его на мѣсто Голгоѳу, что значитъ Лобное мѣсто“ (XV, 22) У св. Іоанна читаемъ: „Онъ вышелъ на мѣсто, названное Лобное, по-еврейски Голгоѳа“ (XIX, 17). Св. Лука, самъ грекъ и писавшій по-гречески для язычниковъ, говоритъ просто: „на мѣсто, называемое Лобное“ (XXIII, 33).

Изъ вышеприведеннаго ясно, что Іисусъ Христось былъ распятъ на известной мѣстности, носившей названіе „Лба“, или „Лобнаго мѣста“. Какая была причина такого необыкновеннаго названія мѣстности? Былъ-ли Іисусъ Христось и оба разбойника намѣренно распяты на Голгоѳѣ, или только случайно? Можетъ-ли быть опредѣлено точное мѣстоположеніе Голгоѳы?—Отвѣты на эти вопросы многочисленны и разнообразны, но ни одинъ изъ нихъ не настолько рѣшителенъ, чтобы заслужить общее признаніе. Въ настоящей статьѣ представляется матеріалъ, пригодный для рѣшенія этихъ вопросовъ, а также доказательствъ за и противъ главнѣйшихъ теорій.

Голгоѳа есть греческая передача (за выпаденіемъ второго л) арамейскаго *Гулулта* и еврейскаго

1) С. Wilson, Golgotha and the Holy Sepulchre.—I. Golgotha and the Crucifixion (Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement for 1902 p. 66, 142...).—Настоящая статья была предназначена для „Сообщеній“ приснопамятвмъ В. Н. Хитрово († 5 мая 1903 г.), исполнившимъ и часть предлагаемаго здѣсь перевода, къ которому онъ приступилъ 10 марта 1903 года. Переводъ законченъ С. Д. Хитрово.

Гулюлеовъ. Слово, равносильное еврейскому, будетъ по-гречески *κρανιον*, по-латыни *calvaria*, по-англійски *skull* (лобная кость, черепъ). Библия не даетъ никакого объясненія происхожденія этого слова, и мы должны въ этомъ случаѣ полагаться на преданіе и толкованія христіанскихъ писателей. Пользуясь этими послѣдними, необходимо принимать въ соображеніе относительную возможность греческихъ и латинскихъ писателей руководиться мѣстными свѣдѣніями. Нѣкоторые изъ греческихъ писателей родились въ Палестинѣ, другіе жили много лѣтъ въ странѣ въ тѣсной связи съ народомъ. Латинскіе писатели не имѣли вообще мѣстныхъ свѣдѣній и, за исключеніемъ Иеронима и Руфина, немногіе жили продолжительное время въ Палестинѣ. Поэтому слѣдуетъ различать между отдѣлками вѣры и чувствъ у грековъ и римлянъ, а также между направлениемъ и предположеніями восточныхъ и западныхъ писателей.

Существуютъ три теоріи относительно происхожденія названія мѣстности.

1. *Названіе это происходитъ отъ преданія, что черепъ Адама находится на этомъ мѣстѣ.*

Древнѣйшій извѣстный греческій писатель, свѣдѣющій о Голгоѣ съ Адамомъ, есть Оригенъ (185—253), прожившій въ Палестинѣ, кромѣ раннихъ ея посѣщеній въ 215 и въ 226 гг., послѣдніи двадцать лѣтъ своей жизни. Онъ былъ личный другъ іерусалимскаго епископа и хорошій гебраистъ. Оригенъ утверждаетъ, что существовало еврейское преданіе о томъ, что Адамъ былъ погребенъ на Лобномъ мѣстѣ. Св. Анастасій Великій (296—373) говоритъ, что Иисусъ Христосъ не могъ пострадать въ иномъ мѣстѣ, какъ на Лобномъ, гдѣ, по утверженію еврейскихъ ученыхъ, была гробница Адама. Епифаній (312—403), самъ еврей, утверждаетъ, что Господь Иисусъ Христосъ былъ распятъ на Голгоѣ,

на томъ именно мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ Адамъ. Св. Василій Великій (329—379), передавая преданіе о томъ, что Адамъ былъ похороненъ на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ и Иисусъ Христосъ, считаетъ его преобладающимъ въ числѣ не записанныхъ церковныхъ преданій. Св. Іоаннъ Златоустъ (347—407) связываетъ кончину и погребеніе Адама съ Лобнымъ мѣстомъ, гдѣ Иисусъ Христосъ былъ распятъ. Тоже говорятъ — Нонній Панополитанскій (ок. 385—440), Василій Селевкійскій (епископъ 448), называющій это преданіе еврейскимъ, и Анастасій Синаитъ (599). Наконецъ, Теофилактъ Болгарскій (ок. 1070 г.) говоритъ, что мнѣніе это исходитъ отъ „отцовъ церкви“ и есть „церковное преданіе“. Но объ этомъ преданіи не упоминаютъ ни церковный историкъ Евсевій (260—339 г.), ни св. Кириллъ Іерусалимскій (ок. 315—386 г.), ни историки пятаго столѣтія — Теодоритъ, Созоменъ и Сократъ.

У латинскихъ писателей встрѣчается мало ссылокъ на преданіе объ Адамѣ. Оно появляется въ нѣсколькихъ стихахъ, сомнительно приписываемыхъ Тертулліану (155—230 г.) и прилагаемыхъ къ его твореніямъ, а также въ письмѣ Кипріяна Карфагенскаго (248) къ папѣ Корнилию. Амвросій Медіоланскій (ок. 340—397 г.) пишетъ: „здѣсь (на Голгоѣ) былъ погребенъ Адамъ“, и приписываетъ преданію еврейское происхожденіе. Бл. Иеронимъ (346—420) называетъ это преданіе „сомнительнымъ чудомъ“ и даетъ другое объясненіе слову „Голгоѣ“. Есть указаніе на него въ (сомнительномъ) шестомъ словѣ бл. Августина (354—430), но оно не встрѣчается въ исторіи Руфина (345—410 г.). Послѣ пятаго столѣтія преданіе объ Адамѣ было значительно расширено, какъ можно видѣть изъ характера, которое оно принимаетъ въ писаніяхъ сирійскаго епископа Моисея Бар-Кифа (X в.) и александрійскаго патріарха Саид-ибн-Батрака или Евтихія (876—939). Наболѣе

новая редакція находится въ эіопской „Книгѣ Адама“, которая носитъ ясныя слѣды того, что въ Абиссинію она перешла изъ Египта. Это распространіе есть чисто восточное и не встрѣчается у западныхъ писателей.

Главнѣйшимъ пунктомъ этого преданія является то, что гробница Адама находилась въ средоточіи или пупѣ земли. И писатели указываютъ на это значеніе Голгоѳы, хотя и не ставятъ въ связь съ Адамомъ. Такъ, св. Кириллъ Іерусалимскій называетъ Голгоѳу „настоящимъ средоточіемъ земли“, Дидимъ Александрійскій (309—394) средоточіемъ всемірнымъ, Викторинъ Пиктавенскій „срединою всей земли“, Софроній (ок. 564—637) — „пупомъ земли“ и Андрей Критскій (архіепископъ 675) — „срединою земли“.

Спрашивается теперь, не еврейскаго-ли происхожденія это христіанское преданіе или хотя часть его? Въ эпоху, предшествующую христіанской эрѣ, безыскусственный слогъ Библии казался слишкомъ простымъ, и жизнь трехъ великихъ мужей Адама, Авраама и Моисея была „старательно украшена ложными легендами“. Христіане приняли эти еврейскія преданія и такъ тщательно обработали ихъ, что часто „немыслимо отличить вполне еврейское отъ христіанскаго источника“. До насъ дошли пять описаній жизни Адама; не смотря на безспорно христіанское ихъ происхожденіе, они также несомнѣнно основаны на древнѣйшихъ еврейскихъ преданіяхъ. Въ Талмудѣ уже упоминается о „Книгѣ Адама“, которая, къ сожалѣнію, потеряна. Извѣстный еврейскій раввинъ Моисей бен-Маймонъ, или Маймонидъ (1131—1204) утверждаетъ, что алтарь іерусалимскаго храма стоитъ на томъ мѣстѣ, съ котораго была взята земля для сотворенія Адама, и что Адамъ на этомъ же мѣстѣ воздвигнулъ жертвенникъ и принесъ первую жертву. Тутъ же при-

носили жертву Ной послѣ выхода изъ ковчега и Авраамъ, когда готовился заклать Исаака. Если бы тѣло Адама оказалось похороненнымъ въ Іерусалимѣ, въ той же землѣ, изъ которой оно было сотворено, это вполне соответствовало бы преданію. Но всѣ еврейскіе писатели послѣ Р. Х. утверждаютъ, что Адамъ былъ похороненъ въ Хевронѣ, или, по словамъ „Еврейской Энциклопедіи“ (I, 180), „около рая, настоящее мѣсто котораго Хевронъ, въ окрестностяхъ Іерусалима, такъ какъ мѣсто жертвенника въ храмѣ, изъ котораго взяты прахъ Адама, есть ворота рая“. Неправильно толкуя Иисуса Навина (XIV, 15) Іеронимъ утверждаетъ, что Адамъ былъ похороненъ въ Хевронѣ, но не подтверждаетъ своего мнѣнія никакими еврейскими преданіями, а онъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, если бы такое преданіе было ему извѣстно. Преданіе о томъ, что Іерусалимъ центръ земли, очень древнее и, повидимому, исходитъ отъ пророка Іезекіиля²⁾ и Псалтири³⁾. Иосифъ Флавій (В. Ж. III, 3, § 5) говоритъ: „городъ Іерусалимъ помѣщается въ серединѣ страны, на основаніи чего многіе довольно остроумно назвали его пупомъ этой страны“. А раввины указываютъ въ храмѣ на „основной камень“ (aven sheteyah), какъ на центръ или ядро, изъ котораго созданъ міръ.

Изъ этого ясно вытекаетъ, что еврейское преданіе сочетаетъ перваго человека съ Іерусалимомъ, центромъ земли. И за сто лѣтъ до того, какъ Константинъ Великій построилъ церкви въ святомъ градѣ, между палестинскими христіанами было распространено преданіе о томъ, что Адамъ похо-

²⁾ V, 5: „Такъ говоритъ Господь Богъ: это Іерусалимъ! Я поставилъ его среди народовъ, и вокругъ него земли.“—Срав. XXXVIII, 12.

³⁾ Пс. LXXVIII, 12: „Боже, Царь мой отъ вѣка, устраю щій спасеніе посреди земли“.

роненъ на Голгоѣ, земномъ центрѣ ⁴⁾, не смотря на то, что послѣ постройки церквей, многія изъ еврейскихъ преданій, относящихся къ горѣ Моріа, были перенесены къ „Новому Іерусалиму“. Преданіе объ Адамѣ всегда стояло отдѣльно отъ другихъ и приписывалось еврейскому источнику, прослѣдить который мы не въ состояніи; тѣмъ не менѣе, болѣе чѣмъ вѣроятно, что преданіе это слѣдуетъ отнести къ до-христіанской эпохѣ, когда еврейская мысль была занята прошедшимъ. Приведенное Оригеномъ преданіе не изъ тѣхъ, которыя евреи или первые христіане могли изобрѣсти, особенно евреи послѣ крестной смерти Спасителя. Съ другой стороны, если оно принадлежало до-христіанской эпохѣ, то совершенно понятно, что послѣ Спасителя и послѣ разрушенія Іерусалима раввинамъ желательно было, по причинамъ, упоминаемыхъ, излишне, перенести мѣсто упокоенія Адама въ Хевронъ, гдѣ были похоронены патриархи. Какъ теперь ни казалось бы страннымъ преданіе объ Адамѣ ⁵⁾, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что христіанскіе писатели первыхъ шести вѣковъ признавали его въ упрощенной формѣ. Кириллъ Іерусалимскій, утверждающій, что Голгоѣа была такъ названа потому, что тамъ пострадалъ Христосъ, Глава церкви, и бл. Іеронимъ — единственные писатели, объясняющіе самое слово, безъ отношенія къ преданію.

2. Голова была такъ названа потому, что это было общее мѣсто казни и изобиловало черепами казненныхъ преступниковъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эти черепа были разбросаны вездѣ, а другіе утверждаютъ, что они были скрыты въ высѣченномъ въ скалѣ

⁴⁾ Нѣтъ-ли намекъ на это у ап. Павла въ 1 посл. Коринѣ XV, 22, 45?

⁵⁾ Преданіе это поддерживается изображеніемъ на распятіи черепа съ двумя скрещенными костями.

углубленіи, куда бросали головы и тѣла казненныхъ ⁶⁾.

Въ греческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ указаній и преданій о томъ, что Голгоѣа была общимъ мѣстомъ казни. Повидимому, эта мысль впервые возникла у бл. Іеронима, который пишетъ: „въ города, за воротами, находится мѣсто, гдѣ обезглавливаютъ преступниковъ; называютъ его Голгоѣа, т. е. мѣсто обезглавленныхъ... Изъ этого ясно слѣдуетъ, что Голгоѣа не значитъ — могила перваго человѣка, но мѣсто обезглавленныхъ“ (Матѣ. XXVII, 33). Мнѣніе Іеронима было принято досто-почтеннымъ Бедою (730 г.) и другими латинскими писателями. Полнѣйшее разъясненіе самаго слова было дано Николаемъ Лирскимъ, который говоритъ: „это мѣсто изобиловало мертвыми головами обезглавленныхъ, такъ какъ преступники здѣсь подвергались казни“. А Эразмъ пишетъ: „они бросали тутъ головы казненныхъ“ ⁷⁾. Въ этомъ же духѣ пишутъ Іеремія Тайлоръ (1613 — 67) — „свалка костей и мѣсто казни“ и Фюллеръ — „кости были разбросаны кругомъ“. А Гроціусъ и Воссіусъ утверждаютъ, что мѣсто это называлось Голгоѣою не потому, что на немъ были разбросаны черепа, такъ какъ это противно римскимъ и еврейскимъ обычаямъ, а потому, что это было мѣсто казни. Таково же мнѣніе и Лютера. Въ ближайшія времена объясненіе это было принято нѣсколькими писателями, иными вполне (Плессингъ и Сеппъ), другими отчасти (Ланглуа), а иногда какъ предположеніе (Варренъ).

⁶⁾ По Талмуду San, VI, 9, 10 (написанному ок. 150 г. послѣ Р. Х.), синедріонъ имѣлъ двѣ общія могилы, одну для обезглавленныхъ или задушенныхъ, а другую для сожженныхъ или побитыхъ камнями. Когда тѣло истлѣвало, кости возвращались въ семейный склепъ.

⁷⁾ „Жизнь Іисуса“ XV, § 30.

Доводы, приводимые защитниками этого объяснения, слѣдующіе. Во времена Христа, какъ теперь, были опредѣленные мѣста для казни преступниковъ, носившія особенныя названія, какъ Сестерціумъ (semis tertius) въ Римѣ, Корвусъ (χώραξ—воронъ) въ Фессаліи. Такое мѣсто должно было существовать и въ Іерусалимѣ и называлось оно Голгоѳою.

На это представляются такія возраженія. Въ библейскомъ повѣствованіи всегда употребляется единственное число, а не множественное,—„Лобное мѣсто“, или называемое „Лобное“, какъ у Луки, и потому названіе это не можетъ относиться къ многочисленнымъ черепамъ. Затѣмъ, хотя въ числѣ римскихъ казней было обезглавленіе, которое стало даже довольно обыкновеннымъ и у евреевъ подъ римскимъ господствомъ, но это не было чисто еврейскимъ обычаемъ, и потому названіе, очевидно существовавшее до римскаго владычества, не могло происходить отъ череповъ обезглавленныхъ. Далѣе, коль скоро евреи, согласно еврейскому закону (Второз. XXI, 23), хоронили казненныхъ въ день ихъ казни, вечеромъ, а римляне разрѣшали (Матѳ. XXVII, 58, Іоан. XIX, 38) хоронитъ распятыхъ еврейскихъ преступниковъ, тѣла ихъ или черепа не могли лежать открыто. Кромѣ того, на востокѣ не знали опредѣленнаго мѣста казни, какъ на западѣ, и если такое мѣсто существовало въ Іерусалимѣ и называлось Голгоѳою, то подобное названіе носили бы мѣста казни и въ другихъ частяхъ Палестины, чему нельзя привести ни одного примѣра. Далѣе, если принимать дословно слова ев. Іоанна XIX, 41 и Матѳ. XXVII, 60, то изъ нихъ вытекаетъ почти недопустимая теорія, что садъ Іосифа Аримаѳейскаго и былъ мѣстомъ казни или находился совсѣмъ рядомъ, и что Іосифъ сознательно приготовилъ себѣ гробницу около или на самомъ такомъ мѣстѣ, которое для всякаго еврея должно было считаться отвратительнымъ и нечистымъ. Наконецъ, филологически

немыслимо понимать значеніе Голгоѳы, какъ „мѣсто казни“.

Совершенно достаточно къ этому прибавить, что въ болѣе позднія времена—Маккавейскія и послѣдующія—мѣсто побіенія камнями (бет-а-секела) было, можетъ быть, заранѣе опредѣлено, и что если на такомъ мѣстѣ Стефанъ подвергся мученичеству, то преданіе, относящееся по крайней мѣрѣ къ пятому столѣтію, указываетъ на мѣсто внѣ Дамасскихъ воротъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакой причины думать, что бет-а-секела называлось Голгоѳою⁸⁾, или было мѣстомъ, гдѣ римляне обезглавливали или распинали преступниковъ. Знакомство съ римскими обычаями заставляеть считать распятіе на еврейскомъ мѣстѣ казни невѣроятною случайностью. Нѣкоторые авторитеты, согласные съ мнѣніемъ, что Голгоѳа была народнымъ мѣстомъ казни, не всегда признають ея тождественность съ еврейскимъ мѣстомъ побіенія камнями. Гильдебрандъ, напримѣръ, считающій ихъ тождественными, говоритъ, что мученическая смерть Стефана произошла на „Лобномъ мѣстѣ“. Кондеръ думаетъ, что Христосъ былъ распятъ въ бет-а-секела. Варренъ же пишетъ: „Голгоѳа, вѣроятно, была отдѣльно отъ мѣста побіенія камнями, потому что въ тѣ времена еврейскій синедрионъ могъ приговорить къ смерти, но не могъ исполнить приговоръ безъ вмѣшательства римскаго губернатора.“

3. *Голова, такъ или иначе, походила на человѣчскій черепъ.* Въ настоящее время это предположеніе принимается сочувственнѣе другихъ, но существуютъ разногласія по поводу характера этого сходства. Большинство писателей считаютъ Голгоѳу округленнымъ бугромъ или выступомъ голой скалы, или холмомъ съ верхушкою въ видѣ черепа, который

⁸⁾ Нѣтъ видимой связи между „Лобнымъ мѣстомъ“ и смертью черезъ побіеніе камнями.

виденъ и обращаетъ на себя вниманіе издалека. Напримѣръ, Іеремія Тайлоръ пишетъ: „Голгоѳа—мѣсто, на которое трудно подняться, возвышенное, соотвѣтствующее позорному столбу, настоящій холмъ смерти“. Фуллеръ утверждаетъ, что „название его происходитъ оттого, что верхушка холма округлялась въ видѣ человѣческой головы“. Варренъ говоритъ: „еврейское слово Голгоѳа соотвѣтствовало круглой и череповидной формѣ этого мѣста“. Фишеръ Овъ пишетъ, что „Голгоѳа была верхушкою отдѣльно стоящаго холма, имѣющаго видъ черепа“, „съ череповидною переднею частью“, „очень замѣтною отовсюду“; а Бовэ говоритъ, что „это маленькое возвышеніе или бугоръ, въ родѣ тѣхъ, которыхъ такъ много на сѣверѣ отъ Іерусалима. Нѣтъ сомнѣнія, что это была голая скала, какъ всѣ эти возвышенности“. Ренанъ пишетъ, что слово Голгоѳа «соотвѣтствуетъ, кажется, слову *choumont* и, вѣроятно, выражаетъ голую верхушку, имѣющую форму лысой головы» (*Vi. d. Iesus*, 492). Тениусъ утверждаетъ, что „название могло происходить отъ сходства съ черепомъ“. Гутэ пишетъ, что название происходитъ отъ верхушки или выступа скалы округленной формы, напоминающаго черепъ, а еврейская фантазия видѣла въ этомъ чудовищномъ черепѣ черепъ Адама и подъ нимъ указывала могилу перваго человѣка. Генераль Гордонъ находилъ сходство съ черепомъ въ общемъ контурѣ всей мѣстности, какъ видно по плану Іерусалима.

Это объясненіе не удовлетворяетъ Алфорда, Моммерта и другихъ.

Въ Библии нѣтъ указаній на то, что Голгоѳа имѣла череповидную форму, или, что Христосъ былъ распятъ на бугрѣ, на холмѣ или на возвышеніи. Изъ повѣствованія можно дѣйствительно заключить, что распятіе было видно многочисленными присутствующими; но тоже самое случилось бы, если бы

кресты были воздвигнуты въ одной изъ долинъ, перерѣзывающихъ или окружающихъ іерусалимскую равнину, а зрители стояли на откосахъ. И дѣйствительно, общій видъ мѣстности около города такой, что возвышеніе не является необходимымъ условіемъ для того, чтобы было хорошо видно.

Ни одинъ греческій или латинскій писатель не указываетъ на сходство съ черепомъ въ видѣ объясненія названія, за исключеніемъ Кирилла Іерусалимскаго, который проповѣдовалъ въ базиликѣ Константина рядомъ съ Голгоѳою и намекалъ „на святое мѣсто, возвышающееся надъ другими, и на святую Голгоѳу, высоко стоящую и привлекающую взгляды до сего дня“ (Катих. поуч. X, 19, XIII, 39). Ни одинъ греческій писатель не связываетъ понятіе о Голгоѳѣ съ высокимъ мѣстомъ или возвышеніемъ. Но это понятіе было распространено въ четвертомъ столѣтіи, и Епифаній упоминаетъ о немъ, хотя и не соглашается съ нимъ. Ничего нѣтъ на этомъ мѣстѣ оправдывающаго его названіе: оно не стоитъ на высотѣ, чтобы могло именоваться «Лобнымъ мѣстомъ» соотвѣтственно положенію головы въ человѣческомъ тѣлѣ, не имѣетъ также вида высокой сторожевой башни, такъ какъ оно даже не возвышается надъ окружающей мѣстностью).

Череповидная форма и возвышенность Голгоѳы—фантазіи, навѣяныя западомъ. Ни одинъ греческій писатель не употребляетъ слова „гора“. Всѣ безъ исключенія говорятъ: „мѣсто Голгоѳы“, „святое мѣсто Голгоѳы“, „Лобное мѣсто“ и т. д. Насколько извѣстно, впервые соединилъ понятіе о Голгоѳѣ съ возвышеніемъ Бордосскій Путникъ (ок. 333 г.), который посѣтилъ Іерусалимъ, когда строились церкви Константина, и назвалъ Голгоѳу „маленькой горою“ (*monticulus Golphatha*). Сперва это выраженіе какъ будто не понравилось латинянамъ, такъ какъ Іеронимъ употребляетъ слово „лобъ“

(calvaria), „Лобное мѣсто“ (locus calvariae) и „крестная скала“, (crucis rupes). Руфинъ (345—410) упоминаетъ „скалу Голгоѳы“ (Golgothana rupes). Слово „гора“ неизвѣстно ни Тертуллиану, ни Амвросію, ни Августину, но въ VI вѣкѣ „Лобная гора“ (mons calvariae) упоминается у Θεодосія (De situ terrae sanctae). Въ восьмомъ столѣтіи Беда и Виллибальдъ возвращаются къ старой формѣ, но въ девятомъ, въ паломничествѣ Бернарда, вновь является „Гора Кальварій“ (870). Позднѣйшіе латинскіе авторы очень часто называютъ ее такъ, и отъ нихъ это перешло въ обычай на западѣ. Кажется, западный умъ требуетъ матеріальнаго возвышенія Голгоѳы для довершенія духовнаго понятія о томъ, что на распятого Спасителя смотрѣли снизу вверхъ и что распятіе видно было издалека. Во всякомъ случаѣ, понятіе о высотѣ въ соединеніи съ распятіемъ такъ укоренилось въ западныхъ умахъ, что въ латинскихъ переводахъ съ греческаго „Лобное мѣсто“ часто передано mons Calvariae—горою Кальварія. Въ римско-католическихъ странахъ распятіе всегда воздвигается на возвышенности, къ которой ведетъ Via Dolorosa, отмѣченная изображеніями страстей Господнихъ. И въ Англии слова народной пѣсни о „земномъ холмѣ за городскими стѣнами“ научаютъ каждаго ребенка вѣрить, что Христосъ страдалъ на возвышеніи. Возможно, что слово „гора“ появилось подъ вліяніемъ желанія изолировать скалу распятія. Это входило и въ намѣренія архитектора Константина V. Въ интереснѣйшей мозаикѣ IV вѣка, находящейся на хорахъ базилики св. Пуденціаны въ Римѣ и якобы изображающей церкви Константина въ Іерусалимѣ и на Елеонской горѣ, крестъ воздвигнутъ на возвышеніи, соотвѣтствующемъ monticulus Golgotha Бордосскаго Путника. Если скала¹⁰⁾

¹⁰⁾ Многие смотрятъ на современную Голгоѳу, какъ на искусственное сооруженіе. Но мои собственныя изслѣдованія застав-

была дана эта форма, то утвержденіе, что верхушка ея похожа на черепъ, подтверждаетъ матеріалистическія тенденціи западныхъ умовъ.

На нѣсколькихъ гробницахъ VI в., найденныхъ Клермонъ-Гано въ Палестинѣ, крестъ стоитъ на тройномъ основаніи, которое въ древнемъ искусствѣ (напримѣръ, ассирійскомъ) было символомъ холма или горы. Клермонъ-Гано заключаетъ изъ этого, что въ весьма отдаленныя времена народное преданіе уже смотрѣло на Голгоѳу, какъ на возвышенность „гору Кальварія“. Тѣмъ не менѣе, вѣрнѣе сказать, что эта основа—не болѣе, какъ условное представленіе „крестной скалы“, вошедшее въ употребленіе, вѣроятно, съ V вѣка, когда въ Іерусалимѣ церковь съ ревностью относилась къ святымъ мѣстамъ и къ символическимъ изображеніямъ въ искусствѣ. Рисунокъ такъ похожъ на холмъ, а верхняя доля на черепъ, что это, несомнѣнно, способствовало поддержанію западной теоріи о томъ, что Голгоѳа изображала собою холмъ съ череповидной верхушкой.

Въ подтвержденіе того, что Голгоѳа названа по своей череповидной формѣ, приводились такого же рода названія изъ Библии и изъ Іосифа Флавія, напримѣръ: плечо (Быт. XLVIII, 22; Іос. XV, 8, XVIII, 16), пупокъ, вѣроятно мѣсто въ родѣ ущелья (Судей IX, 37). На всѣхъ языкахъ существуютъ названія мѣстностей, происходящія отъ воображаемаго сходства съ частями человѣческаго тѣла. Но ни въ еврейскомъ, ни въ сходныхъ съ нимъ языкахъ нѣтъ доказательствъ, чтобы „лбомъ“ или „лобнымъ мѣстомъ“, по сходству съ человѣческимъ черепомъ, называлось какое бы то ни было мѣсто. Къ этому

даютъ меня думать, что „гора“ изъ настоящей скалы, немного измѣнившей свою первоначальную форму, вслѣдствіе перестройки церкви и другихъ обстоятельствъ.

слѣдуетъ прибавить, что тонкіе слои твердаго, кремнистаго мѣловаго камня или известняка, лежащіе на поверхности іерусалимской почвы, не принимаютъ отъ времени вида голыхъ скалистыхъ бугорковъ череповидной формы, какъ это иногда встрѣчается въ мѣстахъ, гдѣ болѣе мягкій камень обнажается. Въ малой равнинѣ бугорки только тогда принимаютъ округленную форму, когда они покрыты землею или мусоромъ. Если существуетъ какое-нибудь сходство между Голговою и черепомъ, то въ профилѣ, какъ предполагаетъ Гутэ.

Изъ представленныхъ воззрѣній можно заключить, что названіе Голговы происходитъ отъ мѣстнаго преданія, соединяющаго ее съ черепомъ, вѣроятно, Адама, какъ утверждаютъ всѣ отцы церкви, которые упоминаютъ о немъ. Теоріи же, отождествляющія „лобное мѣсто“ съ народнымъ мѣстомъ казни, съ мѣстомъ возвышеннымъ или похожимъ на черепъ, явились позже и вѣроятно на западѣ.

(Сообщ. Импер. Прав. Палест. Общ. 1905 г. т. XVI, вып. 2).

Поученіе

въ недѣлю 10-ю по Пятидесятницѣ.

„...Укоряеми, благословляемъ...“

1 Кор. 4, 12.

Итакъ, вотъ уже около 2 тысячъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ слова эти великимъ Апостоломъ Христовымъ впервые были написаны христіанамъ церкви Коринтской къ ихъ наставленію и наученію. И что же? Въ наше время потеряли ли или, по крайней мѣрѣ, уменьшили ли свою пагубную силу тотъ нравственный недугъ, о кото-

ремъ, между прочимъ, говоритъ Апостоль, т. е. злословіе? Справедливость побуждаетъ насъ отвѣтить, что нѣтъ.

Злословное осужденіе своего близкаго грѣхъ весьма распространенный между всѣми, и потому онъ особенно распространенъ, что никто почти не считаетъ его грѣхомъ и предается ему, какъ невинному препровожденію времени. И подлинно, въ чемъ всего охотнѣе проводятъ свой досугъ во всѣхъ почти домахъ? Въ томъ, что или сами выдумываютъ, или повторяютъ слышанные отъ другихъ обидные и оскорбительные слухи о своихъ знакомыхъ. И никто не можетъ укрыться отъ ихъ языка: не щадятъ они ни пола, ни возраста, ни чести, ни службы... человѣка. Дремлющая совѣсть не упрекаетъ ихъ въ этомъ: они спокойно думаютъ, что это—вездѣ принятое обыкновеніе.

Но спросите ихъ: что означаютъ эта охота, это удовольствіе, съ коими они распространяютъ одни дурные, а не и хорошіе слухи о своихъ знакомыхъ? Что другое, какъ не то, что сердце ихъ не доброе, что они рады бывають видѣть что-нибудь дурное въ своихъ близкихъ, что слушатели ихъ сочувствуютъ имъ въ этомъ и своимъ сочувствіемъ косвенно побуждаютъ ихъ къ ихъ постыдной дѣятельности? Между тѣмъ, если-бы даже тотъ человѣкъ, о которомъ ты говоришь, былъ дурной, а сказанное о немъ было совершенно справедливо, то и тогда христіанская любовь и братское снисхожденіе должны были бы наложить печать молчанія на твои уста. Но нѣтъ! Ты крайне обрадовался случаю позлословить на него въ обществѣ. Ты еще и отъ себя нѣчто прибавилъ къ слышанному, раздулъ, разукрасилъ молву. И вотъ, какъ замѣчаетъ св. Апостоль Іаковъ (3, 6), сдѣлался твой „языкъ огонь лѣпота неправды“, такъ что, можетъ быть, малозначительный въ началѣ слухъ тотъ, послѣ мно-

гихъ и различныхъ добавокъ съ твоей стороны, превратился въ нестерпимый, малая искра огня обратилась въ большой пожаръ, уничтожающій доброе имя твоего ближняго.

Но, какъ видно, къ прискорбію, ты вовсе не думаешь о послѣдствіяхъ своего злорѣчія. Часто тотъ, котораго ты злословишь, на самомъ дѣлѣ человекъ почтенный и достойный, честный и справедливый, а ты, лишая его добраго имени, причиняешь ему нравственную боль и подвергаешь опасности самое его положеніе въ обществѣ. Быть можетъ, онъ одинъ изъ насъ, служителей алтаря. Да! Не тайна, что мы чаще всѣхъ подвергаемся злословію и осужденію. Между тѣмъ мы имѣемъ духовныхъ дѣтей, которыя, позволяемъ себѣ думать, любятъ или уважаютъ насъ, во всякомъ случаѣ ждуть отъ насъ духовной помощи; но злой языкъ твой умалилъ ихъ къ намъ уваженіе, разсѣялъ ихъ на насъ надежды, поколебалъ самую ихъ вѣру. Послушай же, прошу тебя, Премудраго Иисуса, сына Сирахова, который говоритъ (7, 31—33): „Всею душою твоею благоговѣй Господеви: и іереи Его чти: всею силою (твоею) возлюби Сотворшаго тя, и служителей Его не остави. Бойся Господа, и прослави іерея, и даждь часть ему, якоже заповѣдано ти“. Или, можетъ быть, ты распускаешь худую молву о честной женщинѣ, имѣющей мужа, дѣтей и родныхъ, не обращая вниманія на то, что такой слухъ составляетъ громадное несчастіе для жены и матери, а для мужа и дѣтей ея—острый ножъ въ сердцѣ.

Сказанное доселѣ касается, конечно, всѣхъ вообще людей; однако преимущественно—женщинъ. Онѣ, къ особенному несчастію, болѣе другихъ склонны къ разнаго рода пересудамъ. Для иныхъ же изъ нихъ злорѣчіе потребно, какъ питье и пища.

Ихъ-то именно „языкъ“, по св. Апостолу Іакову (3, 5), „малъ удъ есть, и велми хвалится“.

Не скрываемъ, бл. сл., не грѣшить языкомъ—наука трудная; однако, при искреннемъ къ ней расположеніи, достижима. Какъ же эта наука достигается, слушаемъ слѣдующее повѣствованіе.

Преподобный Памва (18 іюля), который впоследствии такъ основательно зналъ Священное Писаніе, въ началѣ своего иночества не свѣдущъ былъ даже въ грамотѣ, для чего и ходилъ къ одному изъ братьевъ, чтобы подъ его руководствомъ выучить наизусть псалмы Давидовы. Но въ одно время, услышавъ слова псалма (38, 2—3): „Рѣхъ, сохраню пути моя еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внигда востати грѣшному предо мною. Онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ: и болѣзнь моя обновися“, онъ вдругъ оставилъ своего учителя. Когда же черезъ 6 послѣ того мѣсяцевъ учитель увидѣлъ и спросилъ его, почему онъ такъ долго не приходилъ къ нему, Преподобный отвѣтилъ: „Я еще не научился самымъ дѣломъ исполнять слова Давида: „Рѣхъ, сохраню пути моя еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ“. Уже черезъ 19 лѣтъ Преподобный, сдѣлавшись старцемъ, едва осмѣлился сказать, что онъ навѣкъ самымъ дѣломъ исполнять то, чему научаютъ эти слова.

Такъ Преподобный Памва, удерживая свой языкъ отъ какого-бы то ни было злорѣчія, во всю свою жизнь не осудилъ своего ближняго, не только не произнесъ празднаго слова, но и вообще въ разговорахъ былъ весьма остороженъ, а въ отвѣтахъ весьма разсудителенъ. Когда же спрашивали его о чемъ-либо изъ Священнаго Писанія или о другомъ чемъ-нибудь, онъ никогда своего мнѣнія вдругъ не объявлялъ, но прежде въ безмолвіи разсуждалъ самъ съ собою, говоря себѣ: „Не нахожу, что отвѣ-

чать на этот вопрос". Рѣдко черезъ 3 дня, чаще черезъ 3 недѣли, а иногда черезъ 3 мѣсяца онъ высказывалъ свое рѣшеніе. И отвѣтъ его былъ всегда правиленъ и полезенъ. Всѣ съ полнымъ вниманіемъ слушали св. старца и въ сердечномъ расположеніи благодарили Бога, его устами имъ говорившаго.

Примѣръ Преподобнаго Памвы да поможетъ намъ въ осуществленіи апостольскаго завѣщанія!

Нижегородской Трехсвятительской церкви священникъ Павелъ Троицкій.

Суемудріе старообрядцевъ

въ статьѣ Старообрядч. Вѣстника о святости преп. старца Серафима Саровскаго.

Старообрядцы святости Препод. Серафима не признаютъ и для доказательства своихъ мнѣній въ 6-мъ номерѣ Старообрядческаго Вѣстника напечатали статью подъ заглавіемъ: „Святость о. Серафима Саровскаго“. Въ этой статьѣ сгруппировано все, что они на бесѣдахъ съ православными приводятъ въ доказательство не святости о. Серафима. Разборомъ этой статьи, затрогивающей религіозныя вѣрованія православныхъ читателей Преп. Серафима, мы и займемся.

Статья начинается такимъ вступленіемъ: „Чтобы „безпристрастно и безошибочно рѣшить вопросъ о „святости о. Серафима, необходимо сдѣлать сравненіе его мощей съ мощами общепризнанныхъ святыхъ, а также его чудеса съ ихъ чудесами и его вѣрованіе (-я) и ученіе (-я) съ ихъ вѣрованіемъ и ученіемъ“. (Стр. 344).

Въ этомъ вступленіи ясно высказывается, что святость о. Серафима для старообрядцевъ составляетъ еще не рѣшенный вопросъ, а если для нѣкоторыхъ и рѣшенный, то пристрастно и ошибочно, а потому старообрядецъ и начинаетъ свою статью словами: „чтобы рѣшить вопросъ о святости о. Серафима“... рѣшить не такъ, какъ онъ рѣшенъ, а „безпристрастно и безошибочно“. Значитъ, по мнѣнію старообрядцевъ, вопросъ о святости о. Серафима еще не рѣшенный и въ своей статьѣ они указываютъ еще только способы къ его рѣшенію, а если и было рѣшеніе этого вопроса со стороны православныхъ, то оно „пристрастно и ошибочно“.

Итакъ, во вступленіи очень прозрачно высказано невѣріе въ святость о. Серафима и порицается вѣра православныхъ за пристрастность и ошибочность.

„Чтобы рѣшить поставленный вопросъ о святости о. Серафима“, говоритъ авторъ статьи, „необходимо сдѣлать сравненіе его мощей съ мощами общепризнанныхъ святыхъ“... и дѣлаетъ это сравненіе.

„1. Мощи святыхъ“.

Мощи святыхъ, говорится въ статьѣ, не обнаруживаютъ тѣнія, не смотря на то, что находятся подъ открытымъ воздухомъ, иногда переносятся съ мѣста на мѣсто. Такъ, мощи св. Спиридона, почившаго въ Тримифунтѣ (въ Малой Азіи) были перенесены въ 3 мѣ вѣкѣ въ Константинополь“... Онѣ „не потерпѣли ни малѣйшей перемѣны“. Объ этихъ мощахъ сдѣлана подробная выписка изъ Лѣтописи церк. соб., арх. Арсенія, стр. 564. Выписка сдѣлана точно: для сокращенія нашей статьи, гдѣ возможно, будемъ избѣгать подробной переписки безспорныхъ мѣствъ.

„Житіе преп. Сергія радонежскаго чудотворца:

Обрѣтены быша его мощи цѣлы и нетлѣнны, и ниже одеждамъ его прикоснуса истлѣніе, благоуханія же неизреченное исхождение, и многія исплѣненія болящихъ подавахуса“. (Чет.-мин., Сент. 25).

„*Мощи о Серафима*“.

„Въ „актѣ освидѣтельствванія“ сихъ мощей читаемъ: „По снятіи крышки гроба, внутреннія его стѣнки также оказались сырыми, въ трехъ мѣстахъ покрытыми плѣсенью, хотя при этомъ никакого запаха ощущаемо не было. Въ гробу присутствующіе увидѣли: ясно обозначенный остовъ почившаго, прикрытый остатками истлѣвшей монашеской одежды. Тѣло приснопамятнаго старца о Серафима предалось тлѣнію. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размѣщенными, но легко другъ отъ друга отдѣляемыми. Волосы главы и браны, сѣдовато-рыжеватаго цвѣта, сохранились, хотя и отдѣлились отъ своихъ мѣстъ. (Церк. Вѣд. № 25 за 1903 г.). Первенствующій Членъ Св. Синода, митрополитъ С.-Петербургскій Антоній въ статьѣ „Необходимое разъясненіе“ говорить: „О мощахъ старца Серафима много легкомысленныхъ разговоровъ даже между людьми образованными, благонамѣренными и вѣрующими. Есть сомнѣніе, есть для многихъ мучительный вопросъ: что въ гробу? Не осудимъ и этого легкомысленнаго сомнѣнія, но дадимъ прямой отвѣтъ на вопросъ: „Что же въ гробу? Въ гробу обрѣтенъ ясно обозначившійся подъ остатками истлѣвшей монашеской одежды остовъ почившаго старца. Тѣло предалось тлѣнію. Кости же и волосы головы и браны совершенно сохранились. Таково содержимое гроба“.

Итакъ, отъ старца Серафима остались въ гробу только кости и остовъ тѣла. (Церк. Вѣд. № 26 за 1903 г.). „Старообр. Вѣстн., стр. 345 и 346“.

Этими словами окончено сравненіе св. мощей святыхъ Спиридона, Сергія и Серафима. Болѣе о мощахъ не сказано ни слова. Сдѣлать безпристрастный выводъ изъ этого сравненія предоставляется читателю.

Указаніемъ на примѣры св. мощей—Свят. Спиридона и Преп. Сергія—доказывается та мысль, что „мощи святыхъ не обнаруживаютъ тлѣнія“, а изъ акта освидѣтельствванія мощей Преп. Серафима и изъ словъ митр. Антонія видно: „Тѣло о Серафима предалось тлѣнію; остались въ гробу только кости и остовъ тѣла“. Стало быть, мощей-то нѣтъ. Вотъ къ какому выводу можно приходиться при сопоставленіи прочитаннаго. Если мы сдѣлаемъ такой выводъ, то жестоко ошибемся, потому что примѣрами мощей Св. Спиридона и Препод. Сергія показаны только „цѣлы мощи и нетлѣнны“, но Исторія Церкви намъ указываетъ на существованіе мощей, не имѣющихъ такой цѣлости, какъ указанные. О такихъ-то мощахъ авторъ даже и не упомянулъ, а съ ними-то и должно быть сдѣлано сравненіе.

Блаж. Иеронимъ, обличая Вигиланція, отвергавшаго почитаніе мощей св. мучениковъ, между прочимъ говоритъ: „Ты осмѣливаешься сказать: „то, невѣдомо что, что почитаешь ты въ маленькомъ носимомъ съ собою сосудцѣ“. Хочу знать, что это такое „невѣдомо что“? Скажи яснѣе, чтобы богохульствовать съ полною свободою: „порошокъ невѣдомо какой въ маленькомъ драгоценномъ сосудцѣ, обвернутый въ полотенце“. Онъ жалѣетъ, что останки мучениковъ покрываются драгоценнымъ покрываломъ, а не обвертываются въ тряпки или рубище, или не выбрасываются въ навозную кучу“. И ниже: „Не только богохульцами, но и дураками не слѣдуетъ-ли считать всѣхъ епископовъ, которые ничтожнѣйшую вещь и разложившійся прахъ носили въ шелкѣ и золотомъ сосудѣ?“ И далѣе: „Итакъ,

худо дѣлаеть римскій епископъ, который *по нашему на досточтимыхъ костяхъ*, а по твоему на ничтожномъ прахѣ умершихъ людей Петра и Павла приносить Господу жертвы и гробницы ихъ считаетъ алтарями Христовыми?“ (Твор. бл. Иерон., част. 4. Кн. прот. Вигиланція, стр. 298 и 302). Изъ этихъ словъ Блаж. Иеронима видно, что частицы мощей носили въ золотыхъ сосудцахъ обернутыя въ шелкъ, и почитали кости святыхъ. Вопросомъ Вигиланція: „что это такое?“ Блаж. Иеронимъ возмущается, какъ вопросомъ невѣрія, и отвѣчаетъ: это „останки мучениковъ“, — „досточтимыя кости“, хотя тамъ и не были мощи „дѣлы и нетлѣнны“.

Вопросъ Вигиланція и въ наше время повторяется старообрядцами въ ихъ журналѣ нѣсколько въ видоизмѣненной формѣ: „Что же въ гробу? На этотъ вопросъ можно отвѣтить словами бл. Отца: „досточтимыя кости“.

И въ нашемъ отечествѣ, въ Кіевскихъ пещерахъ, есть св. мощи, состоящія изъ однѣхъ костей. Это — *мроточивыя главы*. Изъ нихъ постоянно исходитъ святое мѣро, почему они и называются мроточивыми. Это черепа св. мощей Кіевскихъ угодниковъ — тѣла безъ плоти и кожи, совершенно высохшія. „Русск. Паломн.“ на 1890 г., книжка IV, стр. 18. Указатель святыхъ и свящ. достопамятностей Кіева; стр. 86, 101, 108, 109, 110, 119 и 122, Кіевъ 1889 г).

Наша отечественная лѣтопись отмѣчаетъ такой фактъ, что въ 1472 г., при постройкѣ Московскаго Успенскаго собора, были обрѣтены мощи трехъ Святителей Московскихъ. О состояніи ихъ тѣлъ лѣтопись сообщаетъ: „*Иону цѣла суца обрѣтоша, Фотѣя же цѣла суца не всего, едины ноги толико въ тѣль, а Кипріана всего истлѣвши, едины мощи*“. (Прав. Путевод. 1903 г. сент., стр. 288; вып. Полв. Собр. Лѣт. VI, 195). Лѣтопись, говоря объ Ионѣ:

„дѣла суца обрѣтоша“, даетъ понять, что обрѣтены его мощи съ тѣломъ, не предавшимся тлѣнію, а о митр. Фотіѣ сказано: „едины ноги толико въ тѣль; относительно же тѣла Кипріана точно сказано: „*а Кипріана всего истлѣвши, едины мощи*“, т. е. остались однѣ кости. Не смотря на то, что святители Фотій и Кипріанъ обрѣтены были съ истлѣвшими тѣлами, Церковь причислила ихъ къ лику святыхъ, что и означается въ Прологѣ и въ Святцахъ, подъ 27 числомъ мѣсяца мая.

Въ Прологѣ говорится: „Въ той же день (27 мая) перенесеніе *честныхъ мощей иже во святыхъ отецъ нашихъ, тріехъ святителей: Кипріана, Фотіа и Ионы, Кіевскихъ и всея русіи чудотворцевъ*“.

Въ концѣ сказанія объ обрѣтеніи мощей оныхъ святителей говорится: „Благовѣрный же князь Іоаннъ, и преосвященный митрополитъ, и все православныхъ множество, о семъ прославиша Бога, и повелѣша праздновати память обрѣтенія честныхъ мощей ихъ, мѣсяца маіа въ двадесать седмый день“ (Прологъ 27 мая).

Въ Святцахъ печатныхъ въ великой Россіи, въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7157 (1649), подъ числомъ 27 мая сказано: „И перенесеніе честныхъ мощей иже во св. отецъ нашихъ тріехъ святителей, кипріана, фотіа и іоны, кіевскихъ и всея русіи чудотворцевъ“ (Святцы. Май 27 д; стр. 114 об.).

Для нашего изслѣдованія достаточно и этихъ указаній, чтобы заключительныя слова перваго отдѣла статьи подъ заглавіемъ: „*мощи Серафима*“ сопоставить съ словами лѣтописи.

Статья „мощи о. Серафима“ оканчивается словами: „Итакъ, *отъ Старца Серафима остались въ гробу только кости и остова тѣла*“, а въ лѣтописи объ обрѣтеніи Московскихъ тріехъ святителей сказано: „*Иону цѣла суца обрѣтоша, Фотѣя же цѣла суца не всего... а Кипріана всего истлѣвши, едины*

мощи“, „и повелѣша праздновати память обрѣтенія честныхъ мощей ихъ“, вкупѣ, единочестно, а не умалили чествованія Кипріяну потому, что тѣло его все истлѣло и остались только одни кости. Точно также и въ Кіевѣ Церковь одинаковой молитвой чествуетъ съ преподобными отцами, почивающими въ неистлѣвающихъ тѣлесахъ и тѣхъ преподобныхъ отцовъ, которыхъ обрѣтены только муроточивыя главы, а не обрѣтено ни тѣла, ни остова тѣла

Слѣдовательно, „безпристрастно“ и „безошибочно“ Православной Церковію рѣшенъ вопросъ о святости о. Серафима, какъ это видится изъ сопоставленія мощей о Серафима съ мощами Московскихъ святителей: Іоны, Фотія и Кипріяна и Кіевскихъ преподобныхъ Отцовъ, ихже едины главы муроточивыя обрѣтены, а не обрѣтено ни тѣла, ни иныхъ костей ихъ.

Въ десятомъ посланіи къ князю Василию Аѳонскіе иноки на мощи, соединенныя съ нетлѣнными тѣлами, и на кости чудотворныя, не имѣющія тѣлеснаго покрыва, существующія въ Православной Церкви, указываютъ какъ на свидѣтельство правой вѣры. Они пишутъ: «Наша же восточная вѣра истинная и не прелестная. Духа Святаго дарованія вмѣщаетъ, пришествія его сподобляется, освящаются богоугодницы, и просвѣщаютъ и въ боговидѣніе приходятъ, богословствуютъ отъ Духа наставляеми, по совлеченіи ветхаго человѣка, и по смерти тѣло нетлѣнно богоугодниковъ пребываетъ. *вонями благоуханными благоухаетъ.* и чюдотворятъ кости мертвыя, съ вѣрою приходящимъ, и во имя святого милости отъ Бога въ своихъ нуждахъ ищущимъ. еже въ прочихъ вѣрахъ ни въ единой ничтоже о сихъ обращаши, ниже услышиши, но еще блазнь и руганіе съ смѣхомъ на дѣйства и благодать даровъ Духа Святаго яко отъ невѣрныхъ узриши». (Имен. Кирил. кн. 10-е посл., лист. 505-й).

Какъ на признакъ, свидѣтельствующій о святости мощей, въ посланіи указывается: «по смерти тѣло нетлѣнно богоугодниковъ пребываетъ, *вонями благоуханными благоухаетъ*».

Въ сообщеніи о переложеніи мощей Препод. Серафима въ новый кипарисовый гробъ говорится: „По выходѣ народа изъ храма, гробъ съ всечестными останками преподобнаго внесень былъ іеромонахами чрезъ сѣверныя двери въ алтарь, и здѣсь высокопр. Митрополитомъ Антоніемъ, совмѣстно съ Преосвященными Назаріемъ и Иннокентіемъ и другими лицами, было совершено переложеніе ихъ въ новый кипарисовый гробъ. При этомъ особенно было примѣчательно то, что всѣ присутствовавшіе въ алтарѣ лица ясно ощущали благоуханіе, исходившее отъ святыхъ мощей и не имѣвшее никакого подобія съ обычными благоуханіями“. (Церк. Вѣдом. № 29-й; Прибавлен. стр. 1094).

Епарх. мисс. Протоіерей *Николай Фіалковскій*.

Приходскій храмъ с. Татинца, Макарьевского уѣзда.

(о к о н ч а н і е).

II. *Краткія историческія свѣдѣнія объ имущественномъ состояніи храма.*

Храмъ, современный составленію описи, отнесенной нами къ 1720 году, не отличался ни богатствомъ обстановки, ни обиліемъ утвари, впрочемъ, все необходимое изъ послѣдней было въ должномъ количествѣ. Такъ хотя на престольное евангеліе было „малой руки“, но „оболочено бархатомъ краснымъ, евангелисты и застѣпки серебряны, вызолочены, насподней доске середина и на угольники мѣдныя.

(Оп. л. I об.)“. Евангеліе это, существующее до сихъ поръ, „печатано въ типографіи царствующаго града Москвы, при святѣйшемъ патріархѣ Адрианѣ, въ царствованіе государя и великаго князя Петра Алексѣевича, въ 1697 году“ Крестовъ благословенныхъ было два. Первый благословенный крестъ „деревянной обложенъ серебрянымъ окладомъ распятіе и предстоящіе чеканные все серебряные“. Въ настоящее время при церкви существуетъ небольшихъ размѣровъ крестъ, деревянный, обложенный тонкими пластинками серебра, съ надписью: „сей крестъ истараго креста здѣланъ 1830 года“; по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ этотъ крестъ передѣланъ изъ того самаго креста, о которомъ говорится въ первой описи. Второй крестъ благословенной деревянный писанъ красками“. Напрестольная дарохранительница была „оловянная“ „две дароносицы походные оловянные круглыя“. „Сосуды потиръ два диска четыре блюда звѣздица лжица оловянные“, изъ коихъ потиръ, дискосъ и два блюда хранятся въ ризницѣ до сихъ поръ. Одѣяніе на престолѣ было „выбойчатое опушка крашенинная крестъ крашенинный“, одѣяніе на жертвенникѣ „содной стороны выбойчатое стрехъ сторонъ крашенинное“, другихъ одѣяній ни къ престолу, ни къ жертвеннику не существовало. „Завѣса у царскихъ вратъ кумашная“. А „врата царскіе... горбыль сѣнь и ширендеръ резное вызолочено“. Хоругви были деревянныя „писаны нацкѣ“: на одной — „нерукотворенный образъ“ и „образъ архангела михаила подвесная пелена платокъ дорогильной сокрестомъ лѣнтовымъ“, на другой — образъ „преображенія господня и архангела михаила подвесная пелена мовная сокрестомъ съ лѣнтовымъ“. Паликадило деревянное золоченое скистью шелковою“. О подсвѣчникахъ нѣтъ упоминанія, но лампы были у мѣстныхъ образовъ и у нѣкоторыхъ другихъ „жестяные и

мѣдные“, размѣры и величина ихъ не указаны. Образовъ было достаточно много, но они всѣ были писаны красками и не были обложены ризами; на нѣкоторыхъ образахъ, на мѣстныхъ и другихъ, указаны серебряныя вѣнцы и таковыя же „тривенки“. Священническихъ облаченій было всего шесть, изъ коихъ первыя ризы были какія-то „гольвыя красныя, оплечье, крестъ и звѣзда штофныя стравы золотными подолникъ головой полосатой“; вторыя ризы были также „гольвыя гвоздишныя, оплечье, крестъ и звѣзда моръ ззолотомъ подолникъ крутяной полосатой“; третьи „тавтяныя зеленые оплечье, крестъ и звѣзда штофное полосатыя подолникъ бежевой вѣтхіе“, четвертыя и шестыя — „выбойчатые по красной землѣ оплечье и подолникъ побѣлой землѣ“; пятые „киндяшныя, оплечье, крестъ и звѣзда триповое красное, подолникъ бежевой“. Диаконскихъ стихарей было только три, изъ коихъ два стихаря „камчатной зеленой“ и „дорогильной зеленой“ были ветхіе, а третій былъ „выбойчатый по красной землѣ“. „Подризникъ крашенинный синей“ и тотъ въ единственномъ числѣ. Епитрахилей указано только двѣ: а) „головая красная середина и опушка головая зеленая кресты тафтяныя зеленые“ и б) „холстовая бѣлая опушка кумашная красная“. Покровцы, воздухи и поручи указаны въ достаточномъ количествѣ и всѣ крѣпкіе, хотя все это очень не высокой цѣнности, напр., „покровецъ дорогильной красная опушка холстовая бѣлая вѣтхая“, покровецъ середина выбойчатая побѣлой земле опушка выбойчатая по красной земле крестъ крашенинной“. О плащаницѣ въ описи не упомянуто, — очевидно ея и не существовало.

Полнаго круга богослужебныхъ книгъ не существовало: миней мѣсячныхъ не было ни одной; служба же всенедвенная правилась по миней общей, наковая вмѣстѣ съ праздничной и святыхъ были въ двухъ экземплярахъ: одинъ экземпляръ старой не-

чати, другой— „новоисправной“, апостоль „старопечатной“, часословъ „новоисправной“, уставъ „новоисправной“ печатанъ въ 1713 году, тріодъ постная и цвѣтная, два служебника „новоисправныхъ“, два требника; но октоихъ не упомянуть,—очевидно, его и не было. Кромѣ богослужебныхъ книгъ, въ церковной библиотекѣ были и книги для чтенія, какъ-то: евангеліе толковое воскресное новоисправное, печатано въ 1662 году, Николино житіе, печатано въ 1699 году, Сергіево житіе, печатано 7155 года отъ сотворенія міра (1647 года), Годъ Прологовъ въ 4 переплетахъ, Катихизисъ (не указаной какой), Букварь, Пращица „новосочиненная“.

Колоколовъ на колокольнѣ было только три, всѣхъ ихъ не указанъ.

Прошло около 80 лѣтъ, и благосостояніе храма ко времени составленія описи, 1806 года, значительно измѣнилось къ лучшему; хотя и „кумашныя“ на престольныя облаченія и выбоичатые подризники упоминаются въ указанной описи, однако, наряду съ ними указаны болѣе богатые и болѣе цѣнныя вещи, такъ что храмъ начала XIX вѣка можетъ быть названъ однимъ изъ богатыхъ сельскихъ храмовъ.

Напрестольныхъ евангелій было уже три; изъ нихъ „первое въ кофейномъ бархатномъ переплетѣ, на коемъ верхняя цка серебряная, чеканная, позолоченная, мѣрою въ длину одиннатцеть, а въ ширину шесть вершковъ и три четверти вершка; средникъ и по сторонамъ онаго два образа небольшие... финифтяные... осыпаны камнями изъ восточнаго хрусталя, на исподнѣй сторонѣ средникъ и застешки серебряныя и позолоченныя, печатано въ Москвѣ 1796 года въ большой листъ“, существуетъ и до сихъ поръ; второе „переплетено въ малиновомъ трипѣ, на верхней цкѣ средникъ и евангелисты серебряныя, позолоченныя, на исподнѣй цкѣ

накладка мѣдная, застешки серебряныя; печатано въ Москвѣ 1696 года, въ небольшой листъ“. Это послѣднее евангеліе существовало еще во время составленія первой описи и было какъ для праздничнаго, такъ и для будничнаго употребленія, теперь же, конечно, употреблялось только при будничномъ богослуженіи, такъ какъ для праздниковъ существовали другія два евангелія и болѣе изящныя, и болѣе цѣнныя. О деревянномъ, писанномъ красками, благословенномъ крестѣ опись вовсе не знаетъ; она упоминаетъ о двухъ благословенныхъ крестахъ „серебряныхъ, чеканныхъ, позолоченныхъ“, изъ коихъ первый „о шести винтахъ, въ коемъ вѣсу фунтъ и осмнадцать золотниковъ; второй „о пяти винтахъ, а вѣсу восемьдесятъ шесть золотниковъ“. Кресты эти существуютъ до сихъ поръ. Не знаетъ опись и объ оловянныхъ дарохранительницѣхъ и дароносицахъ, таковыхъ же потирѣ, дискосѣ, блюдцахъ; какъ дарохранительница на престольная и походная, такъ и сосуды—потиръ, дискосъ и блюда известны ей „серебряныя, позолоченныя“. Въмѣсто кумачной завѣсы на царскихъ вратахъ была „голубая, тафтяная, крестъ изъ золотаго позументу“. Впрочемъ, хоругви и этой описи известны только деревянныя, писанныя красками и, повидимому, тѣ самыя, какія известны и первой описи, потому что и тѣ и другія описаны одинаковыми чертами. О паникадилѣ въ описи нѣтъ упоминанія. Облаченій для престола было уже три, изъ коихъ два не малой цѣнности: а) „парчевое голубое, спереди его четвероконечный крестъ изъ золотаго средняго позументу, подкладка голубой крашенины“, б) „голеовое желтое, у коего спереди вшита коноватная пелена, на оной какъ крестъ осмиконечной съ подножіемъ, такъ и пелена обложена, всѣ сіе не очень изъ широкаго золотаго позументу, безъ подкладки“, и в) „кумашное“. На жертвенникѣ и теперь указано

„одѣяніе крашенное синѣе, у коего спереди пришита тафтяная пелена, коя обложена желтою голю, на оной крестъ изолотого позументу“. И здѣсь, такимъ образомъ, видно повышеніе благосостоянія церкви: облаченіе, хотя и крашенное, но оно убрано гораздо роскошнѣе современнаго написанію первой описи.

И ризница церковная въ описи 1806 года представлена въ гораздо лучшемъ, чѣмъ прежде, положеніи: ни выбойчатыхъ фелоней, ни таковыхъ же стихарей уже не было; священническія ризы, описанныя въ описи 1806 года, для села могутъ назваться даже роскошными. Такъ, „первая риза парчевая, по бѣлому штофу, оплечье дорогильное, оподольникъ зеленой парчи по штофужъ, во округ оплечья широкой золотой позументъ, крестъ изъ такового жъ позументу, звѣзда дородаровая, подкладка крашеннинная“. Риза эта, сохранившаяся до сихъ поръ, еще настолько крѣпка и красива, что употребляется при праздничномъ богослуженіи. Вторая риза была также „парчевая, по красной землѣ, оплечье дородоровое, позументъ золотой, крестъ изъ такового жъ позументу, звѣзда дородаровая, подкладка крашеннинная“. Третья — „желтаго трипу“, четвертая — „малиноваго грезету“, пятая — „гарнитуровая кофейная“, шестая — „голубая бѣлая“, седьмая — „красной голи“, всѣ на крашеннинныхъ подкладкахъ. Въ числѣ діаконовыхъ стихарей опись не указываетъ ни одного выбойчатого и ветхаго и количествомъ ихъ уже четыре: а) „первой красной парчи, оплечье дородоровое, оподольникъ и около рукавовъ изъ зеленаго грезету, въ округ оплечья обложено золотымъ позументомъ, подкладка крашеннинная“; второй — „гарнитуровый, кофейной“; третій — „тафтяной полосатой, оплечье алой парчи“; четвертый — „грезетовый желтый“. Хотя подризниковъ было три, но въ числѣ ихъ, кромѣ двухъ вы-

бойчатыхъ, указанъ „пирюсимовой селезневой, оплечье таковое жъ, крестъ изъ красной тафты, подкладка крашеннинная“. Пелены, покровцы, воздухи — все это было въ большомъ для сельской церкви изобиліи и даже въ роскошномъ видѣ, какъ, напр., первые воздухи были „бархатные, красные, опушены зеленою обьяринною лентою, крестъ съ копіемъ и тростию вынизаны среднимъ и мелкимъ жемчугомъ, коего по щету: средняго шестьдесятъ четыре, а мелкаго четыреста жемчужинъ, каменье въ простыхъ въ сребренной оправѣ зеленыхъ семь, одинъ синей, по угламъ херувимы вышиты золотомъ“. Въ числѣ иконъ появилось нѣсколько иконъ обряженныхъ въ серебряныя и посеребренныя ризы, на многихъ иконахъ — серебряныя вѣнцы, низаные жемчугомъ и позолоченные, какъ, напр., на храмовомъ образѣ Преображенія Господня изображеніе Спасителя было украшено „ризою съ сіяніемъ сребренною позолоченною“, икона Смоленской Божіей Матери имѣла также „ризу сребренною, позолоченною, убрусъ низанъ жемчугомъ и разными простыми каменьями, коихъ по щету: триста девяносто жемчужинъ“.

Улучшилась и бібліотека: какъ книгъ богослужебныхъ, такъ и книгъ для благочестиваго чтенія было въ достаточномъ количествѣ. Кругъ книгъ богослужебныхъ былъ уже полный: въ полномъ составѣ были не только мѣсячныя минеи и гріоди, но также и октоихъ воскресный и повседневный, требникъ, служебникъ, часословъ, псалтырь съ послѣдованіемъ, ирмологіонъ, раздѣленный на два тома, обиходъ церковный, полный и сокращенный. Для благочестиваго чтенія: Четы минеи Св. Димитрія Ростовскаго, Маргаритъ (печ. 1764 г.), Благовѣстникъ, Синодскія проповѣди, Св. Библия (печат. въ Кіевѣ 1758 г.), Толкованія на соборныя посланія, Розыскъ, Отвѣты Никифора Астраханскаго;

однимъ словомъ, всѣхъ книгъ описью указано до сотни номеровъ. Видимо, благосостояніе церкви поднялось очень высоко. Но кѣмъ, когда и на какія средства сдѣланы всѣ эти пріобрѣтенія и улучшенія, ни въ описи не указано, ни въ другихъ документахъ свѣдѣній не сохранилось. Можно, впрочемъ, предполагать, что всѣ эти пріобрѣтенія были сдѣланы отчасти на церковныя средства, отчасти на средства усердствующихъ къ храму прихожанъ. Какъ на особенно „прилежнаго къ церкви“ и, сравнительно, зажиточнаго прихожанина, старожилы указываютъ на татинскаго крестьянина Отрокова, который былъ къ тому же „не одну сидку“ церковнымъ старостой.

Въ 1819 году, какъ уже сказано, деревянный храмъ сгорѣлъ, и въ слѣдующемъ году было пристулено къ закладкѣ новаго каменнаго храма, который и былъ вполнѣ готовъ къ 1833 году, когда и освященъ. Въ этотъ новый храмъ полностью перешла вся церковная утварь, уцѣлѣвшая отъ пожара, истребившаго старый храмъ. Въ настоящее время храмъ является однимъ изъ благоустроенныхъ сельскихъ храмовъ, обилень утварью церковною и св. иконами.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НИЖЕГОРОДСКІЙ

Епархіальный Архитекторъ

Александръ Константиновичъ

НИКИТИНЪ,

ЖИТЕЛЬСТВО ИМѢЕТЪ:

Н.-Новгородъ, Полевая у., д. Фаворскаго (близъ Петропав. сада).

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ЖУРНАЛА

„ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“

въ 1905 — 1906 подписномъ году (съ 1 августа 1905 года по 1 августа 1906 года).

Журналь „Церковно-Приходская Школа“ въ наступающемъ съ 1-го августа текущаго года изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редакция позаботится о возможно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Журналь выходитъ въ 2 хъ отдѣлахъ, изъ коихъ первый предназначается для учащихся, а второй преимущественно для учащихся и вообще грамотныхъ крестьянъ; изъ статей этого

отдѣла въ концѣ года составитъ полный и законченный томъ религіозно-нравственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія.

Программа журнала:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ.

Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ.

Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ.

Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ.

Изъ школьнаго міра (хроника).

Педагогическое обозрѣніе.

Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію.

Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.

Корреспонденціи.

Небольшія статьи для чтенія въ школахъ и дома:

а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православною.

б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой.

в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія.

г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи.

д) Притчи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ руб.

Подписка принимается:

Въ *Кіевъ*: 1) въ редакціи журнала „Церковно-Приходская Школа“, при Кіевскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ;

2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской духовной семинаріи.

Въ *С.-Петербурѣ*: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ;

2) въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова.

Въ *Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова.

Редакторъ П. Инамовичъ.